

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Визгалов Г.П.^{a, b, c, *}, Пархимович С.Г.^c

^a Сургутский государственный университет, просп. Ленина, 1, Сургут, 628403

^b Институт археологии и этнографии СО РАН

просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090

^c ООО «НПО «Северная археология-1», ул. Проезд 5П, стр. 9, Нефтеюганск, 628305

E-mail: vizgalovgp@mail.ru (Визгалов Г.П.); par18@yandex.ru (Пархимович С.Г.)

СИБИРСКИЕ КОНИКИ

Рассмотрены деревянные скульптурки коней, найденные при раскопках русских городов в Сибири конца XVI — XVIII в. Ранее фигурки были известны из раскопок Новгорода и атрибутировались как игрушки. Приведена типология сибирской коллекции резных коников из Мангазеи, Березова, Новой Мангазеи и Полуйского городка. Сделано сравнение с новгородскими типами коников и отмечена преемственность традиции. Фигурки имели культовое назначение и отражали мифологические представления.

Ключевые слова: коники, духи-хранители, строительная жертва, Мангазея, Березов, Старотуруханское городище, Полуйский городок, археология, Сибирь.

Ссылка на публикацию: Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Сибирские коники // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 1. С. 116–128. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-68-1-9>.

Введение

Первая коллекция «коников» — резных деревянных скульптур коней, выполненных в стиле «художественного примитива», была описана и систематизирована Б.А. Колчиным по материалам из Неревского раскопа в Новгороде. Она состояла из 45 целых и фрагментированных изделий, собранных в слоях середины X — XV в. Все фигурки были отнесены к категории детских игрушек [Колчин, 1971, с. 47–50]. После выхода в свет работы Б.А. Колчина тема коников существенного развития не получила. Обратившиеся к ней Н.А. Морозова, А.С. Хорошев и Р.Л. Розенфельдт в интерпретации фигурок следовали в русле концепции Б.А. Колчина. При этом А.С. Хорошев сообщил о 51 новгородском конике, Н.А. Морозова — о 68 экземплярах, найденных за все годы раскопок в Новгороде, а Р.Л. Розенфельдт упомянул о находках коников в Старой Ладого и Пскове [Морозова, 1990, с. 71; Розенфельдт, 1997, с. 116, табл. 80, 8, 9, 21, 22, 29–31; Хорошев, 1998, с. 85, рис. 2, 7–15].

Цель настоящей работы — рассмотреть и атрибутировать находки коников из раскопок экспедициями НПО «Северная археология-1» русских поселений XVII–XVIII вв. на севере Сибири: Мангазейского, Старотуруханского, Березовского городищ, а также Полуйского городка.

Материалы и результаты исследования

Б.А. Колчин, отметив неоднородность в «изобразительной и конструктивной манере» исполнения коников, выделил три их вида — плоские, объемные и стоящие укороченные. Плоские фигурки делились на три типа: с ногами, без ног на широких ставцах и на колесиках. Коники с ногами (8 шт.) бытовали в X–XII вв., на колесиках (10 шт.) — в XII–XIII вв., на ставцах — в конце XIII — XIV в. На некоторых фигурках имелись рельефные седла [Колчин, 1971, с. 47–49, рис. 19, 1–4, 9, 11–13, табл. 38].

Объемные коники (20 шт.), получившие широкое распространение с 20-х гг. XIV в., отличались более стилизованными, упрощенными формами: плоский ставец, вытянутое подтреугольное или подпрямоугольное тулово, высокая шея и детально вырезанная голова. На многих из них имелись рельефные седла, иногда изображались уздечки. Лишь в одном случае отмечено отверстие для оси с колесиком [Там же, с. 49–50, табл. 39].

Плоские «вздыбленные» («стоящие укороченные») полуфигуры с туловом-ставцом треугольной формы бытовали в XIV–XV вв. У них детально изображены головы с ушами и ртом. На некоторых имелись рельефные седла и прорезанные уздечки. Отверстия для осей отсутствовали [Там же, с. 50, табл. 39, 6; 40, 3–6].

* Corresponding author.

Следует заметить, что Б.А. Колчин, безоговорочно отнеся всех новгородских коников к детским игрушкам, не столь однозначно интерпретировал назначение антропоморфных резных фигурок: к игрушкам он отнес лишь 6 из 11 таких изображений, а остальные — к языческим идолам, «домовым», так как «у народов с... сильными пережитками языческого мировоззрения подобные человеческие изображения очень часто несли культовые функции... Поэтому выделить определенно категорию игрушек представляет значительные трудности и само выделение является условным». Такие фигурки, по его мнению, могли быть связаны с магическими обрядами [Там же, с. 50–51].

«Какой-то магический смысл», как полагал исследователь, новгородские резчики вкладывали и в скульптурные изображения голов птиц, драконов, медведей и коней на различных деревянных изделиях. Он также обратил внимание на идентичность головы коня на ручке одного из ковшей XI в. головам коников-«игрушек». В аналогичной манере были выполнены и головы коней «на некоторых утилитарных предметах, например, у ручек чесал для льна» [Колчин, 1971, с. 14, 36, табл. 5, 9; 1968, с. 65, табл. 61, 1; 62, 12–16].

Эти параллели позволяют предполагать вероятность культового назначения и коников (за исключением явных игрушек — коников-каталок и, возможно, коников с ногами), что могли бы прояснить сведения об условиях их залегания в слое. Однако данное обстоятельство в работе Б.А. Колчина не рассматривалось.

Культовый характер коников подтвердили новые материалы, полученные экспедициями НПО «Северная археология-1» в ходе раскопок четырех памятников XVII–XVIII вв. на севере Сибири (Мангазейского городища — на р. Таз, Старотуруханского — в низовье Турухана, левого притока Енисея, Березовского — на Северной Сосьве, левом притоке Оби, и Полуйского городка — в устье р. Полуй, правого притока Оби). Там были собраны 66 деревянных коников, сохранившихся почти в первозданном состоянии благодаря промерзшему состоянию культурного слоя. Кроме того, были найдены свинцовая литая и кожаная фигурки.

Первая коллекция сибирских коников, состоящая из 16 деревянных фигурок и одной кожаной, была собрана в 2002–2013 гг. на Мангазейском городище (остатки города Мангазеи 1601–1672 гг.). Из них 14 экз. представляли собой плоские стилизованные изображения — головы на высоких шеях, венчающие туловища-ставцы. У 10 из них ставцы имели форму низкого вытянутого четырехугольника с горизонтальной спиной и скошенным или прямоугольным «крупом» (рис. 1, 1–8, 12–14). Аналогичные фигурки, датированные XIV–XV вв., встречены в Новгороде [Колчин, 1971, табл. 39, 7–9]. У трех фигурок ставцы имели треугольную форму, характерную для новгородских «вздыбленных» полуфигур (рис. 1, 9–11).

Основное внимание резчики уделили головам — они вырезаны аккуратно и детально: вытянутые прямоугольные или трапециевидные морды, направленные вперед или вверх стержневидные уши, в двух случаях изображены открытые рты. У семи фигурок уши и морды частично или полностью обломаны. У коников с горизонтально вытянутыми ставцами — высокие шеи. При этом головы и шеи изображены гипертрофированными, а туловища предельно стилизованы. Глаза не изображались, а грива вырезана лишь в одном случае (рис. 1, 13). На спине одной фигурки вырезано седло (рис. 1, 7). У двух фигурок на холках имелись высокие V-образные выступы, расположенные под углом к линии спины (рис. 1, 1, 2). По всей вероятности, эти выступы изображают не седла, а крылья, что согласуется с мифическим образом крылатого коня [Афанасьев, 1982, с. 145, 147–149].

Лишь одна фигурка, вырезанная из ветки с сучком, была объемной: массивное туловище-ставец представляло собой горизонтально расположенный цилиндр, усеченный снизу (рис. 1, 13).

Игрушкой-каталкой была единственная фигурка, вырезанная из коры лиственницы. В отличие от деревянных коников, ее конфигурация была близка к реальным пропорциям коней. У нее имелись ноги в виде прямоугольных выступов, дугообразное брюхо, уши, а на спине — седло. В туловище было просверлено отверстие для оси с колесиками. Нижняя часть морды и передняя нога были частично обломаны (рис. 1, 14). Фигурка близкой конфигурации с одним отверстием для оси, датированная XIII в., имеется в новгородской коллекции [Колчин, 1971, с. 48, рис. 19, 9].

Оригинальной формой отличалась плоская двуглавая фигурка: прямоугольное туловище-ставец с треугольным выступом на спинке и с головами на концах, обращенными в разные стороны (рис. 1, 15). Аналогичным образом были оформлены рукоятки некоторых новгородских юрков — деталей ткацкого стана [Колчин, 1968, табл. 70, 4], а также спинки биконьковых гребней, подвесок и копоушек из кости и цветных металлов, бытовавших в русской традиции с X до XIX в. По мнению исследователей, эти изображения связаны с космологическими представлениями восточных славян и несли функцию оберегов [Голубева, 1997, с. 157–164, табл. 94; Кондратьева, 2011, с. 30–39, рис. 13, 14].

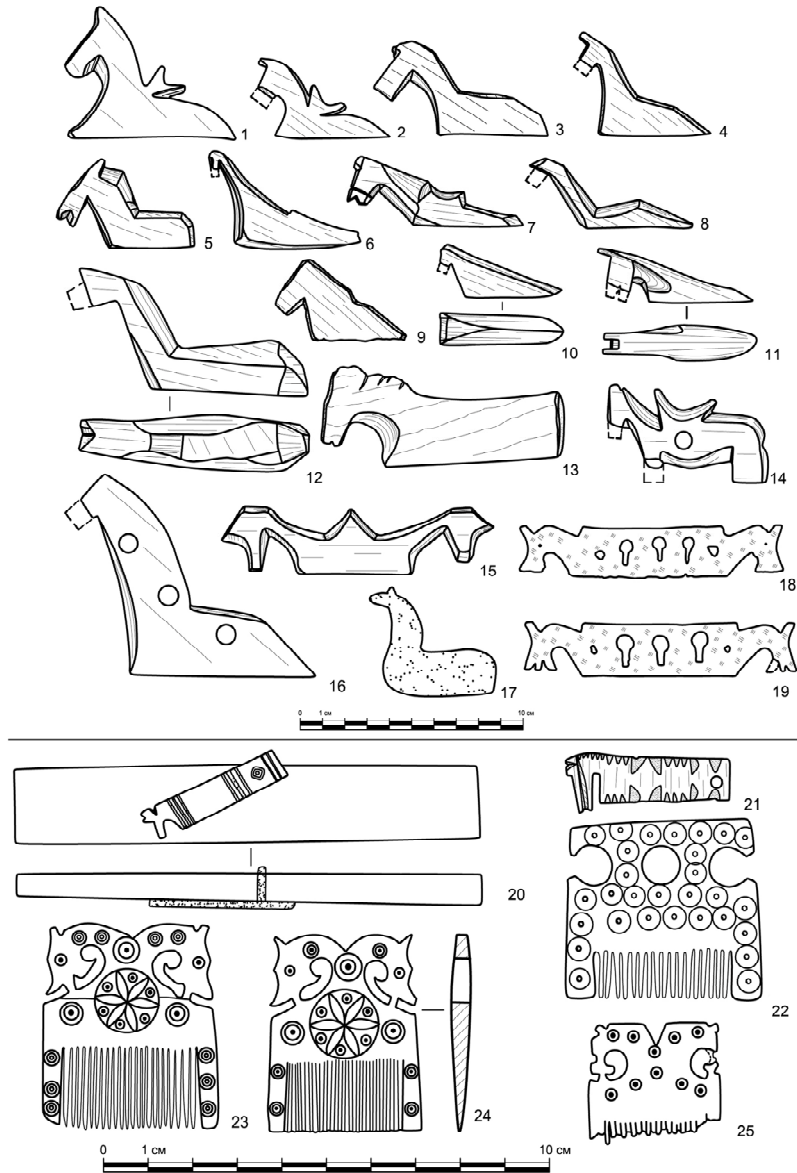

Рис. 1. Коники:

1–17 — Мангазейское городище; 18–24 — изделия с головами коней: 1–16 — дерево; 17 — кожа; 18, 19 — железо; 20–22 — медь; 23–25 — кость.

Fig.1. Horse figurines («koniki»):

1–17 — Mangazeya settlement; 18–24 — items with horse heads: 1–16 — wood; 17 — leather; 18, 19 — iron; 20–22 — copper; 23–25 — bone.

В мангазейских материалах имеются медные и костяные биконьковые гребни с солярными знаками на спинках (рис. 1, 23–25). Головы коней «охраняли» и имущество жителей Мангазеи — встречены на концах сундучных замочных личин и запорных крючков на ларцах (рис. 1, 20, 21).

О культовом назначении мангазейских коников (за исключением игрушки-каталки) убедительно свидетельствует контекст их залегания в культурном слое — семь фигурок были заложены в основания различных частей зданий [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 42–43, 53, 126–128. рис. 173; 2017, с. 185, 227, 340]:

- крылатый коник в глинобитной «подушке» под основанием печи-каменки в избе, рядом с «кровавой» жертвой (скелет зайчонка);
- коник у основания припечного столба в бане;
- коник у основания печи и еще один — рядом с этой печью, в «бабьем куте»;

Сибирские коники

— коник под полом избы, в углу «бабьего кута», рядом с миниатюрной медной чашечкой, костяным гребнем и железным замком;

— коник в углу амбара, под полом;

— двуглавый коник под глиняной засыпкой завалинки рядом с огарками восковых свеч.

Эти обстоятельства позволяют отнести данные экземпляры к «строительным жертвам» — атрибутам строительного обряда, обладающим согласно традиционным мировоззренческим представлениям восточных славян магической защитной силой против козней враждебной нечистой силы и призванным обеспечить благополучие обитателей дома и усадьбы в целом.

«Строительная жертва», как отмечал А.К. Байбурин, — одна из этнографических универсалий: восточные славяне при закладке дома приносили «кровавые», или «живые», жертвы — коней, петухов (куриц) [Байбурин, 1983, с. 55–83]. Конские жертвы зафиксированы в слоях X–XIV вв. в Новгороде и на территории Новгородчины, где черепа залежали под углами срубных построек, под основанием печи и под опорным столбом в подполе избы [Седов, 1957; с. 20–29; Медведев, 1978, с. 23, 24; Горюнова, 1983, с. 8–12]. Жертвоприношения петухов (кур) практиковались вплоть до конца XIX в. А.К. Байбурин полагал, что животные жертвы пришли на смену человеческим, практиковавшимся некогда славянами при закладке строений, а затем уже «бескровные» жертвы постепенно вытеснили «кровавые». Убедительный пример такой замены зафиксирован в культуре православных коми — «антропоморфные деревянные куклы, которых закладывали в основание дома плотники, предварительно расколов их головы и обмазав их кровью» [Байбурин, 1983, с. 61, 62]. Аналогичную роль в строительном обряде, возможно, играли и некоторые новгородские фигурки «домовых».

В народных поверьях «никакой дом не строится без домового», поэтому строительная жертва символизировала его «рождение»: душа жертвы становилась мифологическим хранителем дома. У восточных славян домовый — домашний дух-охранитель, покровитель дома, семьи, домашних животных. В русской традиции домовый (дворовой, «хлевник», «амбарник») мог проявляться не только в виде старика, но и в виде полумедведя-получеловека, медведя, змеи, кошки, собаки, коровы, козла, а также лошади [Власова М., 1995, с. 125–130; Криничная, 2004, с. 192, 196, 199–227; Левкиевская, 2002, с. 144–146, 164–165; Петрухин, 2002, с. 245–247; Узенева, 2002, с. 144].

Этнографические данные свидетельствуют о местопребывании домовых в избе — в подполе, под порогом, под печью, на полатах; на чердаке, в конюшне, в хлеву, во дворе. Отсюда и множество имен домовых — «хозяин», «избной», «подпечник», «подпольник», «хлевник», «амбарник», «дворовой», «суседко» и т.п. В усадьбах «проживали» целые семейства домовых. Жители дома общались с ними, одаривали и кормили, а переселяясь в новый дом, приглашали с собой и домовых [Байбурин, 1983, с. 106–115, 180–182; Власова М., 1995, с. 125–135, 151; Криничная, 2004, с. 140–152, 199–246; Левкиевская, 2002, с. 144–145; Пермиловская, 2005, с. 185].

Нетрудно заметить, что локусы пребывания домовых совпадают с местоположениями мангазейских коников, использованных в качестве «закладных» жертв. Очевидно, эти коники были ритуальным эквивалентом «кровавых» жертв, своеобразной наглядной демонстрацией конской ипостаси домовых. Остальные коники, найденные в руинах и рядом с постройками, вероятно, были «бытовыми» изображениями домовых, доступными для постоянного непосредственного общения.

Культовый характер коников подтверждается еще единственным профильным изображением, вырезанным из дубленой кожи. У него продолговатое горизонтально вытянутое туловище без ног и хвоста и голова с ушами на высокой шее (рис. 1, 17). Эта фигурка вряд ли могла быть игрушкой.

В 2010–2012 гг. коллекция из пяти коников была собрана на Старотуруханском городище — остатках города Новая Мангазея, основанного в 1672 г. переселенцами из тазовской Мангазеи. В ней выделяются две морфологические группы, резко различающиеся стилем исполнения. В первой группе — три фигурки с низкими туловищами-ставцами, увенчанными детально вырезанными головами с короткими выступами-ушами, с вытянутыми мордами прямоугольной и трапециевидной формы. У двух из них были вырезаны широко раскрытые рты. В основаниях холки всех трех фигурок были оформлены рельефные V-образные крылья или седла (рис. 2, 21–23). Эти коники, явно изготовленные одним резчиком, залежали под полом постройки последней четверти XVII в.: две, помещенные в берестяную коробочку, — у основания печи-каменки, рядом с огарком восковой свечи; третья — у дальней стены, около «бабьего кута».

Коники второй группы отличаются предельной стилизацией. У них низкие треугольные туловища-ставцы с крутым треугольным уступом на переходе к холке (коньки-«горбунки»), головы без ушей. Морда одной обломана, а у другой глубоким треугольным вырезом показан раскрытый рот (рис. 2, 19, 20). Полностью сохранившийся коник этой группы залежал в постройке, стоявшей по соседству с избой,

где были найдены коники первой группы. Он находился у предполагаемого порога, на уровне основания сруба. Другой коник лежал южнее этих построек, в слое, синхронном им.

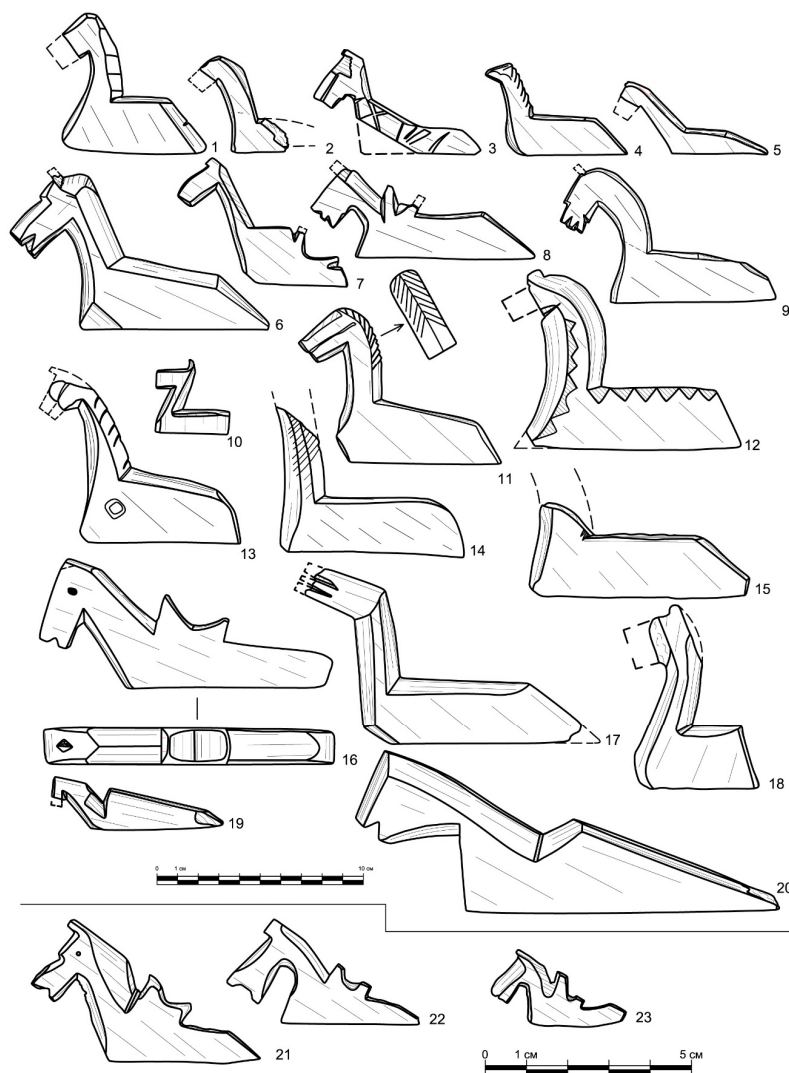

Рис. 2. Коники:

1–18 — Березовское городище; 19–23 — Старотуруханское городище. Дерево.

Fig. 2. Horse figurines («koniki»):

1–18 — Berezovskoye settlement; 19–23 — Staroturukhanskoye settlement. Wood.

Довольно неожиданной оказалась находка резной стилизованной фигурки коня в углу жилища остяцкого Полуийского городка (хантыйское название — Пулинг-авот-ваш) конца XVI — начала XVIII в. Это поселение, известное в письменных источниках как Носовой, или Обдорский Носовой, городок, находилось близ устья р. Полуий — правого притока р. Оби (на территории современного Салехарда) [Вершинин, 2018, с. 117; Кардаш, 2013, с. 5].

Эта фигурка имеет вытянутое горизонтально туловище-ставец, мощную вытянутую вперед шею с детально вырезанной головой (выступающие уши, раскрытый рот). На спине изображено рельефное низкое седло (рис. 3, 28). Автор раскопок предположил, что эта фигурка использовалась остяками «как лошадь, предназначенная для персонажа, находящегося в числе домашних изображений божеств... такого как коон-ики (мир-сусне-хум)» [Кардаш, 2013, с. 202, рис. 3.52, 2]. Между тем нельзя не обратить внимание на поразительное сходство этой фигурки с «оседланными» новгородскими и мангазейскими кониками [Колчин, 1971, с. 49, рис. 19, 6, табл. 38, 2; Пархимович, 2009, рис. 5, 2]. Полное морфологическое соответствие полуийской фигурки традиционным новгородским и мангазейским иконографическим канонам — несомненное свидетельство русского авторства фигурки.

Сибирские коники

Каким образом этот коник оказался в остяцком жилище, в слое конца XVI — начала XVIII в.? По мнению Е.В.Вершинина, после разгрома Обдорского княжества отрядом в 1596 г. возглавлявший его князь Петр Горчаков не стал строить отдельный русский острожек, а занял Пулинг-авот-ваш — опустевший остяцкий городок, т.е. Полуйский городок, который стал на некоторое время резиденцией березовских сборщиков ясака [Вершинин, 2018, с. 116].

Вероятно, в первые годы сборщики ясака, присылавшиеся из Березова, жили в брошенных остяцких жилищах, а затем, когда прежние жители вернулись домой, они построили для себя избу и казенные амбары для хранения хлебных припасов и ясачной пушнины. После основания в 1601 г. «златокопящей» Мангазеи русский Обдорский городок (застава) стал еще и важным пунктом таможенного сбора с торговцев и промышленников, находившимся на пути из Руси в Мангазею и обратно. В царской грамоте 1632 г. остяцкий Пулинг-авот-ваш был назван «Носовым на заставе» [Там же. С. 118]. До 1730 г., когда рядом с остяцким городком был построен Обдорский острог с четырьмя избами и шестью амбарами, застава представляла собою единственную избу с несколькими амбарами [Там же. С. 119]. В «доострожный» период в остяцком городке могли зимовать торговые, «промышленные» и служилые люди, нередко терпевшие кораблекрушения в «Мангазейском море» в XVII в. [Там же. С. 194–198]. Кто-то из таких постояльцев, очевидно, и вырезал полуйского коника, призванного оберегать его от враждебной нечистой силы в жилище язычников-остяков.

О проживании в остяцком Обдорском городке русских казаков-годовальщиков свидетельствуют и отдельные находки типично русских изделий, чуждых традиционной культуре обдорских остяков свидетельствуют и отдельные находки русских изделий, чуждых традиционной культуре обдорских остяков. В их составе — найденные «по всей территории городка, в слоях разного времени», деревянные шахматные фигурки (51 экз.), костяной кубик для игры в зернь, клепки от ведер, кадок, баклаги, туеса, изготовленные по русской технологии, дорожная ложка, берестяной шаблон для выкройки составных поршней и т.д. [Кардаш, 2013, рис. 3.4, 20; 3.16; 3.17, 8; 3.35; 3.63; Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 141, 3, 4, 6; 143, 2–10; 162, 21–25; 164, 1, 7–13; Визгалов и др., 2011, с. 39–41; рис. 8, 5]. Об этом же свидетельствует и наличие небольшого количества костей коров и свиней (в том числе молодых особей и новорожденной) в остеологических материалах городка [Лобанова, 2013, с. 347, табл. 4.1.1].

Самая многочисленная коллекция коников, представленная 44 резными деревянными изображениями и одним отлитым из свинца, была собрана в 2012, 2018–2019 и 2021 гг. в ходе раскопок в посадской части Березовского городища.

Большую часть березовской коллекции коников составили фигурки, выполненные в соответствии с иконографическими канонами первого вида новгородских коников — плоских, без ног, с низким туловищем-ставцом. Эта группа представлена 31 экземпляром разной сохранности:

— сохранившиеся полностью или с незначительными утратами (обломаны уши, часть морды или круп) — 19 экз.;

— без головы и, частично, шеи — 2 экз.;

— без задней половины туловища — 2 экз.;

— головы на частично обломанных шеях — 8 экз.

Все эти фигурки изготовлены из обрезков досок толщиной 0,8–2,6 см, при этом направление волокон древесины — диагональное. Длина фигурок в основном варьируется в пределах 10–13 см. Лишь в одном случае она достигает 17 см, а в шести варьируется в пределах 5,3–8,2 см. В сравнении с новгородскими кониками несколько изменились пропорции: увеличилась длина шеи по отношению к длине фигурки: в Новгороде — 1:2–1:3, а в Березове в основном — около 1:1.

По форме туловища выделяются три подгруппы:

1) с туловищем в виде высокого прямоугольного треугольника («укороченные», или «вздыбленные» по Б.А.Колчину), где гипотенуза формирует единую линию спины и шеи, — 3 фигурки (рис. 3, 3, 7, 8);

2) с низким клиновидным туловом — 2 фигурки (рис. 3, 4, 5);

3) с вытянутым четырехугольным туловищем с прямой спиной и скошенным крупом — 24 фигурки (рис. 2, 1–18; 3, 1, 2, 9, 12–14, 20).

Рельефные седла вырезаны на спинах коников с клиновидным туловом и трех фигурок с четырехугольным туловищем (рис. 2, 7, 8, 16; 3, 4, 5, 13).

Формы шей и их положение относительно туловища у коников третьей подгруппы имеют различные конфигурации:

- узкие прямые, наклоненные вперед — у 9 фигурок (рис. 2, 4–7; 3, 2, 6, 14, 20, 23);
- прямая вертикальная — у 3 (рис. 2, 17; 3, 9, 12);
- дуговидные вертикальные или наклоненные вперед — у 22 фигурок (рис. 2, 1, 2, 9, 11–14; 3, 1, 7, 10, 11, 14–16, 18–22, 25, 26);
- дуговидные, выгнутые назад — у двух фигурок (рис. 2, 10, 18).

Заметное преобладание изогнутых шей свидетельствует о развитии тенденции, едва наметившейся в изобразительном творчестве новгородских резчиков [Колчин, 1971, рис. 19, 12; 38, 7; 39, 7, 8; 40, 3].

Только на шести кониках третьей подгруппы изображены гривы в виде наклонных поперечных нарезок (рис. 2, 4, 11, 13–15; 3, 22).

Особое внимание березовские резчики уделяли изображению голов, которые обычно имели вытянутую прямоугольную или трапециевидную форму. Почти на всех головах имелись уши, вырезанные в виде коротких парных стержней на верхнем поперечном ребре, направленных вперед и вверх. У 16 плоских коников уши сохранились полностью, а у 6 они обломаны в основании. Оригинально изображены уши у двух коников — в поперечном верхнем ребре головы сделан треугольный вырез, сформировавший треугольные выступы-уши, видимые только сверху (рис. 2, 16; 3, 15). В 14 случаях резчики пренебрегли этой деталью — верх головы закруглен или прямоугольный (рис. 2, 1, 2, 4, 5, 11, 17; 3, 2, 3, 5, 6, 12, 14, 20, 26).

На 14 из 22 полностью сохранившихся или частично обломанных морд изображены рты. Они представлены тремя вариантами:

- 1) треугольный вырез на торце — 4 экз. На трех мордах длинными линиями прорезаны уздечки (рис. 2, 3, 6, 11, 13; 3, 15, 21);
- 2) с высунутым языком, оформленным двумя треугольными вырезами или резными линиями, — 9 экз. (рис. 2, 8, 9, 17; 3, 7, 8, 10, 16, 17, 19, 21, 26);
- 3) с оскаленными зубами — 1 экз. (рис. 2, 15).

Первый вариант характерен для коников из Новгорода Великого, Мангазеи, Старотуруханска и Полууйского городка.

Второй вариант представлен только в березовской коллекции. Коники с высунутыми языками залежали в слоях начала XVII — начала XIX в. Примечательно, что высунутый язык встречен и у новгородских резных скульптур — на мордах драконов (на ручках ковшей) и льва (на палочке) [Колчин, 1971, с. 38, 40; табл. 25, 1; 33, 2].

Коник с оскалом зубов уникален, но точно таким же образом оформлены пасти некоторых новгородских драконов на ручках ковшей [Там же, с. 36, 38, табл. 23, 2, 4; 24, 6; 25, 2].

Еще одна деталь, отличающая березовских плоских коников от новгородских и других сибирских, — наличие глаз. Они были вырезаны в виде маленьких углублений или контурными линиями на четырех фигурках середины XVII — начала XVIII в. (рис. 2, 16; 3, 8, 22, 25).

Объемные коники представлены лишь тремя экземплярами, два из которых, найденные в слое второй половины XVIII в., — округлые в поперечном сечении, с обломанными мордами, были вырезаны из изогнутых обрезков веток. У них горизонтально вытянутые прямоугольные туловища, круто выгнутые вертикальные шеи, закругленные груди (рис. 3, 6, 9, 12). У одной из этих фигурок, найденной в слое разрушения в углу хлева, были вырезаны уши, а в передней части туловища имелось вертикальное сквозное отверстие диаметром около 1 см (рис. 3, 9). Эта деталь свидетельствует о том, что фигурка насаживалась на стержень и, вероятно, крепилась к стене постройки. Третья объемная фигурка также отличается лаконичностью и условностью очертаний: у нее короткое подтреугольное в профиле туловище-ставец, высокая, наклоненная вперед шея и безухая голова с подпрямоугольной мордой (рис. 3, 6).

Еще более явно знаковый характер коников проявился на пяти максимально упрощенных изображениях, залежавших в слое второй половины XVII в. Три из них — плоские, с длинным узким четырехугольным туловищем, прямой наклоненной вперед шеей и безухой угловатой головой (рис. 3, 13, 14, 20). У одной на спине треугольным вырезом показано седло (?), а у другой холка имеет крутой уступ, аналогичный уступам на спинах старотуруханских коньков-«горбунков». Аналогичную профилировку имела фигурка, вырезанная из обрезка ветки: туловище в виде приосстренного на конце округлого стержня, наклоненная вперед длинная прямая шея, увенчанная прямоугольной головой с отростками-ушами (рис. 3, 23). Еще одна фигурка представляет собой длинный четырехгранный стержень, увенчанный прямоугольной головой с отростками-ушами (рис. 3, 24). Кроме максимальной условности эти изображения объединяет

Сибирские коники

наличие относительно длинного (8–14 см) тулова, предназначенного, вероятно, для закрепления фигурки в щели между бревнами стены или в других элементах интерьера.

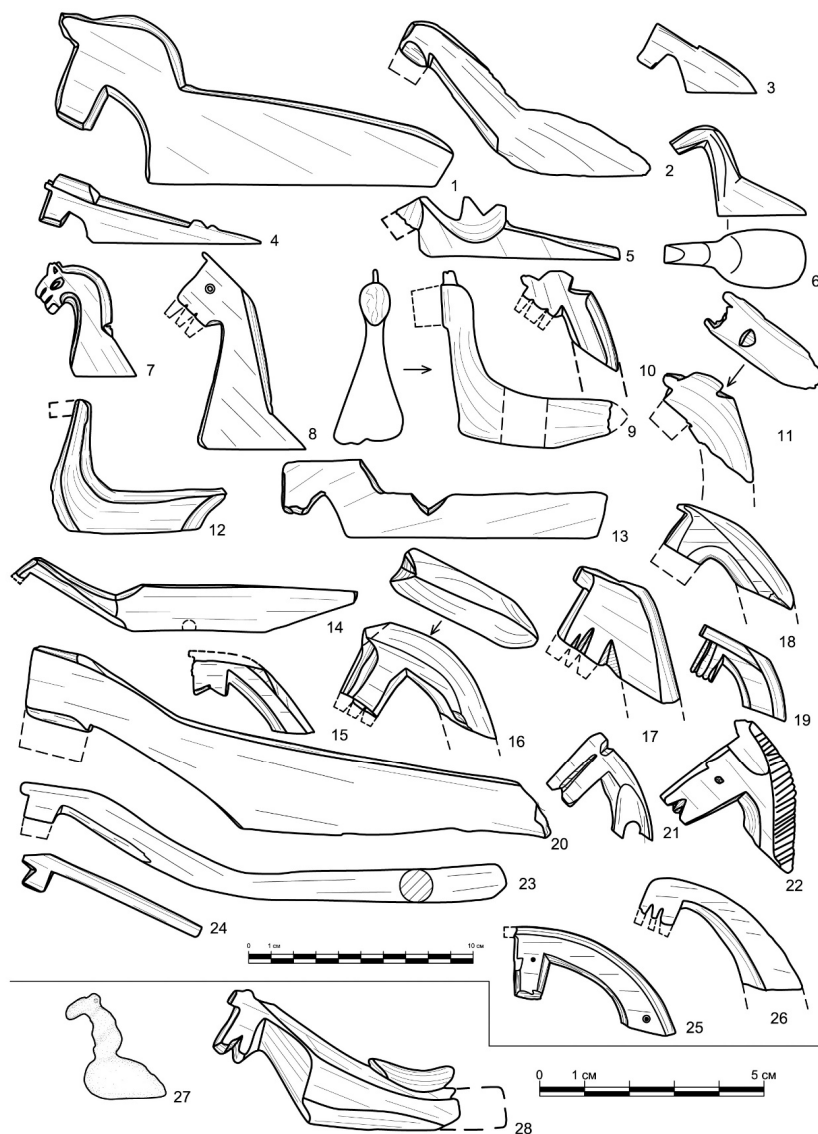

Рис. 3. Коники:

1–27 — Березовское городище; 28 — Полуйский городок: 1–26, 28 — дерево; 27 — свинец.

Fig. 3. «Koniki»:

1–27 — Berezovskoye settlement; 28 — Poluiskiy gorodok: 1–26, 28 — wood; 27 — lead.

В двух случаях резчики, напротив, проигнорировали туловище, уделив внимание основному элементу — голове на дуговидной шее. Одно из этих изображений — плоское, с четырехугольной головой, обломанными ушами и глазами в виде точечных углублений; в основании шеи — мелкое отверстие от гвоздика (рис. 3, 25). Второе, вырезанное из изогнутого обрезка ветки, было уплощено в нижней части шеи, где сохранилась часть отверстия для нагелька или гвоздика. На торце морды прорезан проем рта, а по бокам — «уздечка» (рис. 3, 21). Судя по отверстиям в основаниях шей, эти коники тоже крепились к каким-то деталям интерьера.

Березовская коллекция коников демонстрирует, с одной стороны, приверженность резчиков к традиционным формам, выработанным их новгородскими предшественниками, а с другой — творческие поиски новых форм за счет максимального упрощения изображений или, наоборот, усложнения путем детализации трактовки голов (рты с высунутыми языками, глаза, уздечки) и резной орнаментами.

Деревянные коники залежали на пяти строительных ярусах, отложившихся в период с 1614 по 1806 г.:

- на втором ярусе (1719–1806 гг.) — 4 шт.;
- третьем (последняя четверть XVII в. — 1719 г.) — 19 шт.;
- четвертом (1652–1674 гг.) — 7 шт.;
- пятом (1642–1652 гг.) — 10 шт.;
- шестом ярусе (1614–1642 гг.) — 3 шт.

Свинцовая фигурка была найдена на третьем ярусе.

Как видно, вплоть до пожара 1719 г. посадские жители придавали большое значение изготовлению этих фигурок и активно использовали их в магической защите своих домов и усадеб, а затем эта традиция резко угасла.

Коники, служившие в качестве строительных жертв (8 экз.), встречены на всех пяти ярусах. Они залежали под полом, в углах и у стен восьми построек, в том числе в сенях, избах и скотных дворах. Остальные фигурки, найденные в руинах построек и рядом с ними, — «бытовые». Они олицетворяли духов-хранителей жителей дома и домашней живности.

В целом, морфологический анализ сибирского собрания коников показал, что в нем преобладают типичные для Новгорода плоские стилизованные фигурки с низким горизонтально вытянутым туловищем-стояном (около 50 %). «Вздыбленные» коники-полуфигуры представлены лишь четырьмя экземплярами. На нескольких кониках вырезаны седла или крылья. Основное внимание сибирские резчики уделяли изображению головы. У большинства фигурок, как и в новгородской коллекции, изображены уши. Продолжили сосуществовать коники с приоткрытыми ртами и без ртов. Вместе с тем встречены и ранее неизвестные детали (березовская коллекция): у четырех коников изображены глаза; у восьми — чуть высунутые в приоткрытых ртах языки. Уникальны двуглавая мангазейская фигурка и березовская, орнаментированная рядами выемчатых треугольников. Широкое распространение получили высокие дуговидные шеи — элемент, редкий в новгородской коллекции.

Впервые встречены предельно упрощенные формы, конский облик которых выдают лишь стилизованные головы на концах относительно длинных стержней или пластин, имитирующих туловище, а также три «конька-горбунка» с крутыми уступами на месте холки.

В пяти случаях резчики вообще отошли от традиционных форм, ограничившись лишь изображением высоких дуговидных шей с головами. В основаниях двух из них имелись отверстия для крепления. Явный акцент резчики делали на изображении головы, что неудивительно: в мифологических представлениях славян именно в ней находились душа существа и его жизненная сила. При закладке дома голова жертвенного животного заменяла его тело, а находившаяся в ней душа становилась мифологическим хозяином-покровителем дома [Топорков, 2002, с. 106–107; Левкиевская, 2002, с. 164–165].

Судя по нашим материалам, в городах Северной Сибири в XVII–XVIII вв. коники как строительные жертвы помещались в тех же местах, где лежали новгородские черепа коней, — под печью, в основаниях припечных столбов, а также у порогов, в углах построек и под засыпкой завалинок. Примечательно, что сибирские строители не отказывались и от «кровавых» жертв: черепа и скелеты собак, зайцев, горностаев, коровы, нижние челюсти свиней закладывались под основания печей, под засыпкой завалинок, под полом в углах построек и у порогов. Там же укладывали восковые свечи, нательные кресты, гребни и острые, режущие и колющие предметы, призванные защищать постройки от проникновения в них враждебной нечистой силы [Пархимович, 2004, с. 47–53; 2009, с. 365–371; 2011, с. 174; рис. 2, 6; 2014; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 125–129; 2017, с. 337–340].

Две трети собрания сибирских коников составляют фигурки, найденные в руинах построек (изб, сеней, амбаров, хлевов, скотных дворов/конюшен). Условно их можно назвать «бытовыми», так как, находясь в жилом пространстве, они постоянно присутствовали рядом с обитателями усадеб и всегда были доступны для «общения». Эти коники, как и «закладные» жертвенные, представляют собой материальную реализацию мифологических представлений русских о проявлении домовых в образе коня [Криничная, 2004, с. 120–121]. Согласно этим представлениям домовые обитали в избах под печью, за печью, под полом, в углах, под полатями, под крышей, у порога, в хлевах и конюшнях, во дворе («хлевники», «дворовые», «запечники» и т.д.). Этим защитникам и покровителям дома и домашнего хозяйства жители регулярно приносили дары и «кормили» их [Власова М., 1995, с. 132; Криничная, 2004, с. 119–121, 140–152, 199–204;

Плотникова, 2002, с. 142–144]. Свидетельства таких кормлений найдены в мангазейских постройках — две медные чашечки под полами, рядом с кониками.

Магическую защиту дома и усадьбы в целом обеспечивали не только мобильные коники, но и стационарные изображения коней в экстерьере и интерьере построек. Речь прежде всего идет о резных погрудных скульптурах коней на передних концах «коников»-охлупней, закрывавших щель на вершине двускатной крыши. Наиболее широко эти архаичные детали представлены в архитектуре Русского Севера, где такие жилища именовали «дом конем». Эти скульптуры, принципиально идентичные формам наших коников, осмыслялись в качестве «головы» дома [Власова, 2001, с. 252, рис. 26; Криничная, 2004, с. 96–99, рис. 9, 10, 16; Шургин, 2009, с. 58–59, рис. 205]. Предполагается, что деревянным конькам на охлупнях предшествовали настоящие лошадиные головы [Зеленин, 1991, с. 296; Криничная, 2004, с. 97]. А.К. Байбурин увидел явную связь между конскими строительными жертвами и «коньками» на крышах: «Дом, как бы “выраставший” из закопанной в землю конской головы, увенчивался ее же изображением, что придавало всему жилищу вид коня в плане общего архитектурного решения» [1983, с. 89–90].

«Лошадиное обличье» дома нередко дополняли аналогичные резные головы на коньках крылец, дымоходов, концах «куриц» — конструктивных элементов, служивших для удержания теса крыши и укладки «потоков»-желобов для отвода дождевой воды, а также на концах «причелин» — досок, закрывавших торцы бревен срубов [Криничная, 2004, с. 98, рис. 16; Шургин, 2009, с. 58–60, рис. 199–204]. Все эти скульптуры обеспечивали тотальную магическую защиту дома, что подтверждает и поговорка «Курица и конь на крыше — в избе тише» [Байбурин, 1983, с. 90].

Примечательно, что на Русском Севере резные скульптуры коней охраняли покой не только живых, но и мертвых: головы коней вырезаны на концах охлупней, закрывавших верх крыши на надмогильных столбиках (прежде — «домиков для мертвых») [Шургин, 2009, с. 79–89, рис. 266–269].

Закодированный в образе коня глубинный мифологический и ритуальный подтекст неоднократно дублировался и в интерьере северорусского дома: конские головы (иногда парные), маркировавшие локализацию домовых, вырезались на спинке лавки — «коника» в мужском углу, на доске шестка у печи и даже на боковых дощечках божниц [Криничная, 2004, с. 99–100, рис. 11–14].

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, отметим.

1. Материалы, полученные при раскопках русских городов Сибирского Севера конца XVII — XVIII в., наглядно демонстрируют преемственность традиции изготовления стилизованных коников новгородских (северно-русских) форм. В XVII в. в сибирских городах эта традиция переживала подлинный расцвет (плотность залегания коников в раскопе Березовского городища — 1 фигурка на 5 м², на Мангазейском городище — на 79 м², а на Неревском раскопе в Новгороде — на 197 м²). В течение следующего столетия она стала затухать — «семейство» сибирских коников заметно поредело и к концу XIX в. ушло в небытие.

2. «Мобильные» коники являлись наглядным воплощением мифологических представлений о конской ипостаси домовых — духов-охранителей дома. Они закладывались в качестве строительных жертв при закладке дома («жертвенные») и размещались в жилом пространстве («бытовые»).

3. Наряду с «мобильными» кониками магическую защиту построек обеспечивали их архитектурные собратья — скульптурные коньки на крышах, «курицах», причелинах и на деталях интерьера, вырезанные в аналогичной манере.

4. Отголоски былого культа коней-охранителей дома — сохранявшийся до недавнего времени обычай подвешивания конских подков над дверями, как снаружи, так и внутри построек, — там, где некогда могли размещаться «бытовые» коники. Очевидно, что эти подковы, якобы приносящие счастье и благополучие жителям, — метонимическая замена прежних коников по смежности понятий (конь-подкова).

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ № 22-18-00624 «Историческая урбанистика русских городов Севера Сибири: Березов» (аналитическая обработка данных и подготовка рукописи), госзадания № FWZG-2022-0005 ИАЭТ СО РАН «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства» (сбор материалов полевых исследований).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 183 с.

- Вершинин Е.В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII в. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург: Магеллан, 2008. 296 с; отд. прил. 30 л.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: Усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. 360 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В.* Мангазея: Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург, Изд-во АМВ, 2011. 213 с.
- Власова И.В.* Севернорусская крестьянская усадьба // Русский Север: Этническая и народная культура XII–XX вв. М.: Наука, 2001. С. 199–300.
- Власова М.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 363 с.
- Голубева Л.А.* Амулеты // Древняя Русь: Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 153–165.
- Горюнова В.М.* Об изменениях в домостроительстве Городка на Ловати в X–XII вв. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Рига: Зинатне, 1983. С. 8–12.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1951. 511 с.
- Кардаш О.В.* Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. 380 с.
- Колчин Б.А.* Новгородские древности: Резное дерево. М.: Наука, 1971. 115 с. (САИ; Вып. Е1-55).
- Кондратьева О.А.* Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси-России: Археологические и этнографические очерки. СПб., 2011. 246 с.
- Кричинная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.
- Левкиевская Е.Е.* Домовой // Славянская мифология: Энцикл. словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 144–145.
- Левкиевская Е.Е.* Жертва строительная // Славянская мифология: Энцикл. словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 164–165.
- Лобанова Т.В.* Археологическое исследование костных остатков животных из раскопок Полуйского мысового городка (2004–2005 гг.) // Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. Прилож. 4. С. 340–352.
- Медведев А.Ф.* Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 23–24.
- Морозова Н.А.* Игрушки Древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород Упрполиграфиздат, 1990. Вып. 3. С. 69–71.
- Очерки истории Югры / Н.Н. Баранов и др.* Екатеринбург: Волот, 2000. 399 с.
- Пархимович С.Г.* Магические строительные обряды в Мангазее // Русские: Материалы VII Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 47–52.
- Пархимович С.Г.* Языческая символика в обрядовой практике Мангазеи и Березова XVII века (по материалам археологических исследований 2001–2008 гг.) // Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: В 2 ч. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. Ч. 2. С. 363–375.
- Пархимович С.Г.* Деревянные «коники» Мангазеи и Великого Новгорода // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 174.
- Пархимович С.Г.* Строительная обрядность в русских поселениях севера Западной Сибири конца XVI — XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях: В 2 т. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. II. С. 28–39.
- Пермиловская А.Б.* Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX — начало XX века). Архангельск: Правда Севера, 2005. 312 с.
- Петрухин В.Я.* Конь // Славянская мифология: Энцикл. словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 245–247.
- Плотникова А.А.* Дом // Славянская мифология: Энцикл. словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 142–144.
- Розенфельдт Р.Л.* Игры детей // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 114–119.
- Седов В.В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 20–29.
- Топорков А.Л.* Голова // Славянская мифология: Энцикл. словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 106–107.
- Узенева Е.С.* Закладка дома // Славянская мифология: Энцикл. словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 144.
- Хорошее А.С.* Детские игрушки из Новгорода: (Классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. (Материалы науч. конф.). С. 82–94.
- Шуршин И.Н.* От лесной избушки до церкви дивной: Деревянная архитектура коми. М.: Совпадение, 2009. 264 с.

^a Surgut State University, prosp. Lenina, 1, Surgut, 628403, Russian Federation^b Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS
prosp. Akademika Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation^c Scientific and Production Association "Northern Archeology-1" LLC,
Proezd 5П st., 9, Nefteyugansk, 628305, Russian Federation

E-mail: vizgalovgp@mail.ru (Vizgalov G.P.); par18@yandex.ru (Parkhimovich S.G.)

Siberian horse figurines

The purpose of the study is to determine the origin and purpose of a series of wooden horse figurines ("koniki") found during the excavations of Russian towns in the north of Siberia in the layers of the 17th — 18th century. The Siberian collection includes 66 items from excavations of Mangazeya, Berezovsky settlement, Staroturukhansky settlement, and Poluisky town. Materials from Siberian cities show the continuity of the tradition of manufacturing stylized horse figurines of Novgorod forms, which continued until the end of the 18th century. Morphological analysis of the Siberian collection showed the similarity and continuity of forms of the Siberian figurines with those from Novgorod. These are stylized flat figures, many with ears depicted, some with slightly open mouths. At the same time, the Siberian figurines acquired differences and new details. For example, some of them have carved saddles or wings, eyes and protruding tongues, and high arched necks. Unique are the two-headed figurine and three horses with steep ledges in the area of withers. All figurines have most realistically carved heads. In Slavic mythology, it was in the head where the soul of a creature and its vital force were located. When laying the foundation of a house, the head of a sacrificial animal replaced its body, and the soul embodied within would have become the owner-patron of the house. Two-thirds of the assemblage of Siberian horse figurines were found in ruins of residential and service buildings. They were continuously present near the inhabitants and were always available for "communication" with them. These "koniki", same as the sacrificial ones, demonstrate the mythological perceptions of the Russian Siberians about house spirits in the form of a horse. The magical protection of the house and the estate as a whole was provided not only by mobile horses, but also by stationary images of horses in the exterior and interior of the buildings. "Mobile" horse figurines represented a horse hypostasis of house spirits — the guardians of the house. They were paced as construction sacrifices when laying the foundation of a house ("sacrificial"), and also were placed within the living space ("domestic").

Keywords: horse figurines ("koniki"), guardian spirits, construction sacrifice, Mangazeya, Berezov, Staroturukhanskoe ancient settlement, Poluisky gorodok, archeology, Siberia.

Funding. The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation No. 22-18-00624 "Historical urbanism of Russian cities of the North of Siberia: Berezov" (analytical data processing and manuscript preparation), state assignment No. FWZG-2022-0005 IAET SB RAS "Research of archaeological and ethnographic monuments in Siberia of the era Russian State" (collection of field research materials).

REFERENCES

- Afanas'ev, A.N. (1982). Fabulous tales of animals. *Basnoslovnye skazaniya o zveryah. Drevnozhizni: Izbrannyye stat'i*. Moscow: Sovremennik. (Rus.).
- Bajburin, A.K. (1983). *Dwelling in the rituals and representations of the Eastern Slavs*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Baranov, N.N., et al. (2000). *Essays on the history of Yugra*. Ekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Golubeva, L.A. (1997). Amulets. In: *Drevnyaya Rus: Byt i kultura*. Moscow: Nauka, 153–165. (Rus.).
- Goryunova, V.M. (1983). About the changes in the housing construction of the Gorodok-na-Lovati in the X–XII centuries. In: *Problemy izucheniya drevnego domostroitel'stva v VIII–XIV vv. v Severo-Zapadnoj chasti SSSR*. Riga: Zinatne, 8–12. (Rus.).
- Horoshev, A.S. (1998). Children's toys from Novgorod: (Classification review of archaeological finds). In: *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vyp. 12*. Novgorod, 82–94. (Rus.).
- Kardash, O.V. (2013). Poluisky mysovoi gorodok of Princes Taishin. Ekaterinburg; Salekhard: Magellan. (Rus.).
- Kolchin, B.A. (1971). *Novgorod antiquities: Carved wood*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kondrat'eva, O.A. (2011). *Crests of the IX–XIX centuries in everyday life, rituals, folklore, craft and artistic creativity of Ancient Rus' — Russia: Archeological and Ethnographic essays*. St. Petersburg. (Rus.).
- Krinichnaya, N.A. (2004). *Russian Mythology: The World of Folklore Images*. Moscow: Akademicheskij Proekt: Gaudeamus. (Rus.).
- Levkievskaya, E.E. (2002). Domovoj. *Slavyanskaya mifologiya: Enciklopedicheskij slovar'. Izd. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 144–145. (Rus.).
- Levkievskaya, E.E. (2002). The victim is a construction worker. *Slavyanskaya mifologiya: Enciklopedicheskij slovar'. Izd. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 164–165. (Rus.).
- Lobanova, T.V. (2013). Archaeological study of animal bone remains from the excavations of the Poluisky mysovoi gorodok (2004–2005). In: Kardash O.V. *Polujskij mysovoj gorodok knyazej Tajshinyh*. Ekaterinburg; Salekhard: Magellan, 340–352. (Rus.).

* Corresponding author.

Medvedev, A.F. (1978). The estates of a pawnbroker and a jeweler in Staraya Russa. In: *Arheologicheskie otkrytiya 1977 goda*. Moscow: Nauka, 23–24. (Рус.).

Morozova, N.A. (1990). Toys of Ancient Novgorod. In: *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya*. Vyp. 3. Novgorod: Uprpoligrafizdat, 69–71. (Рус.).

Parhimovich, S.G. (2004). Magical building rituals in Mangazeya. In: *Materialy VII Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri»*. Tobol'sk, 47–52. (Рус.).

Parhimovich, S.G. (2009). Pagan symbolism in the ritual practice of Mangazeya and Berezov of the XVII century (based on the materials of archaeological research 2001–2008). In: *Novgorodskaya Zemlya — Ural — Zapadnaya Sibir' v istoriko-kul'turnom i duhovnom nasledii: V 2 chastyah. Chast' 2*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 363–375. (Рус.).

Parhimovich, S.G. (2011). Wooden sculptures of horses of Mangazeya and Veliky Novgorod. In: *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda. T. II*. St. Petersburg; Moscow; Velikij Novgorod. (Рус.).

Parhimovich, S.G. (2014). Building rituals in the Russian settlements of the north of Western Siberia of the late XVI — XVIII centuries. In: *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovaniyah. T. II*. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan, 28–39. (Рус.).

Permilovskaya, A.B. (2005). *Peasant house in the culture of the Russian North (XIX — early XX century)*. Arhangel'sk: Pravda Severa. (Рус.).

Petruhin, V.Ya. (2002). The horse. In: *Slavyanskaya mifologiya: Enciklopedicheskij slovar'. Izd. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 245–247. (Рус.).

Plotnikova, A.A. (2002). The house. In: *Slavyanskaya mifologiya: Enciklopedicheskij slovar'. Izd. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 142–144. (Рус.).

Rosenfeldt, R.L. (1997). Children's games. In: *Arheologiya. Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura*. Moscow: Nauka, 114–119. (Рус.).

Sedov, V.V. (1957). On the issue of sacrifices in ancient Novgorod. *Kratkie soobshcheniya IIMK*, (68), 20–29. (Рус.).

Shurgin, I.N. (2009). From the forest hut to the marvelous church: *Wooden architecture of Komi*. Moscow: Sovpadenie. (Рус.).

Toporkov, A.L. (2002). The head. In: *Slavyanskaya mifologiya: Enciklopedicheskij slovar'. Izd. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 106–107. (Рус.).

Vershinin, E.V. (2018). *Russian colonization of Northwestern Siberia in the late XVI — XVII centuries*. Ekaterinburg: Demidovskij institute. (Рус.).

Vizgalov, G.P., Parhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: New archaeological research (materials 2001–2004)*. Ekaterinburg: Magellan. (Рус.).

Vizgalov, G.P., Parhimovich, S.G. (2017). *Mangazeya: Estate of the polar city*. Nefteyugansk; Ekaterinburg: Karavan. (Рус.).

Vizgalov, G.P., Parhimovich, S.G., Kurbatov A.V. (2011). *Mangazeya: Leather products (materials 2001–2007)*. Ekaterinburg: AMV. (Рус.).

Vlasova, I.V. (2001). The North Russian peasant estate. In: *Russkij Sever: Etnicheskaya i narodnaya kul'tura XII–XX vv.* Moscow: Nauka, 199–300. (Рус.).

Vlasova, M. (1995). *A new ABEVEGA of Russian superstitions*. St. Petersburg: Severo-Zapad. (Рус.).

Uzeneva, E.S. (2002). Start of house construction. In: *Slavyanskaya mifologiya: Enciklopedicheskij slovar'. Izd. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (Рус.).

Zelenin, D.K. (1951). *East Slavic Ethnography*. Moscow: Nauka. (Рус.).

Визгалов С.П., <https://orcid.org/0000-0002-6861-7715>

Пархимович С.Г., <https://orcid.org/0000-0003-2006-7782>

Сведения об авторах:

Визгалов Георгий Петрович, кандидат исторических наук, доцент, Сургутский государственный университет, Сургут; директор, ООО «НПО «Северная археология-1», Нefteyugansk; научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Пархимович Сергей Григорьевич, научный сотрудник, ООО «НПО «Северная археология-1», Нefteyugansk.

About the authors:

Vizgalov, G.P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Surgut State University, Surgut; Director, Scientific and Production Association "Northern Archeology-1" LLC, Nefteyugansk; Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch RAS, Novosibirsk.

Parhimovich, S.G., Researcher, Scientific and Production Association "Northern Archeology-1" LLC, Nefteyugansk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.10.2024

Article is published: 15.03.2025